

жертвоприношения следует признать отсутствие для него каких-либо оснований в Священном Писании, а, как мы видели, также и недостаточное развитие его в святоотеческом учительном и литургическом предании¹. Говоря об умиловительном характере Евхаристии, наши догматики на Священное Письмо вообще не ссылаются или приводят обычно два текста, которые имеют столь широкий характер, что вообще к евхаристическому жертвоприношению могут быть отнесены только с большой натяжкой. Это — пророчество Малахии о том, что «от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиами имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф» (Мал. 1, 11). Если даже допустить, что здесь речь идет не только о вселенском распространении истинного богочитания — «не на горе сей и не в Иерусалиме», а «в духе и истине» (Ин. 4, 21, 23), а также и об евхаристическом жертвоприношении, то всё же найти в этих словах что-либо относящееся к умиловительному поистине невозможно.

Другим иногда приводимым текстом являются слова Спасителя: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядуший хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6, 51). Ход мысли некоторых комментаторов здесь таков: Христос говорит, что Он отдает Свою Плоть за жизнь мира. Между тем, евхаристический хлеб есть не что иное, как истинная Плоть Господа, следовательно, она тоже отдается за жизнь, или, что то же, — за спасение мира. Несомненно, при евхаристическом понимании этих слов Спасителя они подтверждают ту истину, что Евхаристия есть воспроизведение жертвенного подвига Христа и, в частности, Голгофской жертвы, но из них никак не следует, что евхаристической жертвой достигается дополнительное умиловление за грехи тех, кто поминается за литургией.

Отмечая наличие в православном богословии разногласий по вопросу об умиловительном воздействии евхаристической жертвы, мы не можем считать эту проблему окончательно разрешенной, тем более, что богословская разработка ее в течение столетий вообще не имела места, а за последние десятилетия почти не продвинулась. Однако не следует забывать, что спорный характер имеет лишь ограниченный раздел евхаристического учения Православной Церкви, которое, не будучи строго догматизированным, в целом составляет исключительно важный, органически неотъемлемый элемент православного церковного сознания, элемент, высокое значение которого для духовной жизни даже не поддается какой-либо словесной оценке. Участвуя в Евхаристии, православный человек непосредственно переживает в большей или меньшей степени все ее аспекты, и именно глубина его евхаристического сознания и настроения, чувство благоговения при соприкосновении и соединении со своим Спасителем и Искупителем представляют собой спасительный субъективно-психологический феномен, который находится во взаимодействии с объективной сущностью Таинства; с одной стороны, он возникает в результате евхаристического акта, а с другой, — требует себе удовлетворения в его совершении и в личном в нем участии.

Профессор В. Д. САРЫЧЕВ (Москва)

О ЕВХАРИСТИИ

Таинство Крещения вводит нас оправданными и возрожденными как чад Христовых в Царство благодати. Таинство Миропомазания сообщает нам милость и дары Святого Духа, чтобы укрепить нас в обновленной жизни. Божественная Евхаристия, к которой призываются все христиане как к трапезе небесной, содействует сохранению и умножению даров благодати чрез единение с Самим Установителем таинства. На этой таинственной трапезе христиане причащаются истинного Тела и истинной Крови Господа, вкушая их под видами хлеба и вина. «Мы твердо верим, — говорит св. Кирилл Иерусалимский, — что видимый хлеб не есть хлеб, хотя и ощущается на вкус, но Тело Христово, и что видимое вино не есть вино..., но Кровь Христа»².

В Евхаристии в высочайшей степени оправдывается наименование «таинства», и никакие земные подобия не применимы к уяснению благодати Спасителя в преподании божественной трапезы — таинства Тела и Крови Его. По мысли Филарета, митрополита Московского, мать, кормящая младенца, преподает ему «только избыток своего тела, приготовленный для сего природою, преподает без труда и даже к облегчению своему от избытка, который мог бы обременить ее. Наш Божественный Питатель преподает нам самое Тело Свое, — всецело Тело Свое, — преподает со сладостью любви, без сравнения превосходящей материнскую, но притом преподает

¹ Приводимая часто ссылка на слова Тертуллиана: «Oblationes pro defunctis, pro natalitiis annua die factus» (De coronis milit., III) неубедительна, так как слово oblationes обозначает «приношение» или «взношение», что может относиться к молитвам, к «словесной службе», которая действительно совершается постоянно Церковью за живых и усопших как за литургией, так и вне её.

² Св. Кирилл Иерусалимский, Слово огласительное, XXII, 1, § 9.

нам Тело Свое, горьким и смертным страданием уготованное нам в пищу. «Сие есть,— глаголет, — Тело Мое, еже за вы ломимое. Сие есть Кровь Моя, яже за вы и за многия изливаемая». Как пшеница страждет в жерновах и под рукою хлебоделателя, и в разжженной печи, да будет хлеб, укрепляющий сердце человека; как кровь гроздова страждет в утеснении точила, да будет вино, веселящее сердце человека. так благоволил воплощенный Сын Божией предать Тело Свое на разнообразные страдания елсонские, иерусалимские и голгофские, допустил многострадально истощить Кровь Свою в предкрестных и крестных мучениях, дабы в них уготовать нам пищу и питье жизни и врачевания, бессмертия и блаженства»¹.

Имея непосредственное отношение к догмату Боговоплощения, таинство Евхаристии обладает тою же степенью таинственности и спасительности. Оно соединяет в себе совокупность искупительных действий Иисуса Христа с Воплощением до Пятидесятницы, с обновления нашей природы до богоуподобления ее силою Святого Духа. Христос усваивает нам Свою жертву и придает жертвенное значение Евхаристии до возможности нашего ходатайства за других по силе веры и любви при ее совершении. В этом Таинстве осуществляется вышеестественно и сокровенно богатое общение церковного состава — верующих с Главою Церкви и друг с другом, по молитве Спасителя пред завершением Его земного подвига (Ин. 17, 21—23).

Значению Таинства соответствует и особый смысл свидетельства о нем Священного Писания. Апостолы говорят не от себя, а единогласно и буквально передают собственные слова Иисуса Христа, произнесенные Им накануне Своей смерти, в день последнего совершения Им ветхозаветного пасхального обряда. При полном собрании ближайших учеников-апостолов Господь установил Новый Завет и соединил с ним преподание главнейшего Таинства, заключающего в себе таинственную сущность христианства.

В это время, по свидетельству трех евангелистов и апостола Павла, «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все: ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26—28; Мр. 14, 22—24; Лк. 22, 19—20; 1 Кор. 11, 23—25). Апостол Иоанн, дополнивший своим Евангелием так называемые Евангелия синоптические, не включает повествования об установлении Таинства, зато подробно излагает беседу Иисуса Христа о «хлебе жизни» (Ин. 6, 32—58), под воздействием которой, как можно думать, никто из учеников не выразил недоумения при действительном изъяснении таинственного обетования Учителя на Тайной Вечери. Будучи приготовлены к усвоению великого Таинства, они восприняли его как должное.

Главная мысль учения о Евхаристии может быть основана только на приведенных установительных словах и должна представлять собою точный вывод из этих изречений Спасителя; различие учения о Таинстве зависит от того или иного их понимания.

Это различие между православными и римско-католиками, с одной стороны, и протестантами, с другой, происходит от различного понимания связки «есть» в изречении Спасителя: «сие есть Тело Мое» и «сие есть Кровь Моя». Одно понимание сводится к признанию хлеба и вина Евхаристии как истинного Тела и Крови Спасителя, другое — к признанию вещественной части Таинства — хлеба и вина — как предметов, содержащих Тело и Кровь.

Как замечает один из православных исследователей Таинства (И. Олесницкий), при тщательном рассмотрении повествования апостолов об установлении таинства Евхаристии нельзя сказать, что в словах Иисуса разумеется хлеб как таковой, обыкновенный, что Христос преподавал ученикам просто хлеб и при этом сказал, что это есть Тело Его. В прямой, не фигуральной речи нельзя назвать какой-то хлеб телом, нельзя сказать: «Этот хлеб есть тело мое». Такое выражение противоречило бы смыслу, по которому не может быть суждения о двух различных предметах как тождественных. Различные виды бытия остаются различными и не могут быть тождественны. Следовательно, мы допустим ошибку в логике изречения или в нашем понимании его, если припишем связке «есть» значение отождествления двух конкретно существующих предметов — хлеба и тела. Когда Иисус Христос говорит: «сие есть Тело Мое», у нас нет логического основания думать, что под словом «сие» нужно разуметь «хлеб». Это соображение возникает также и вследствие употребления в этом изречении местоимения среднего рода — *τοῦτο*. Естественно возникает вопрос: может ли, по смыслу евангельского повествования, средний род относиться к слову хлеб — *ἄρτος*? Единственным основанием для этого служит предшествующее упоминание о «хлебе», который Господь «взял» в руки; это действие иногда непосредственно связывают с последующими словами Христа Спасителя: «сие есть Тело Мое» и утверждают, что, по связи речи, под словом «сие» нужно разуметь упоминаемый ранее хлеб. Но такое утверждение нельзя признать обоснованным: забывается или не принимается во внимание еще одно действие Спасителя перед произнесением слов «сие есть...», именно — б л а г о с л о в е н и е хлеба и вина.

Все апостолы, повествуящие об установлении Евхаристии, единогласно указывают на то, что Иисус Христос совершил особые действия над хлебом и вином

¹ Ф и л а р е т, митрополит Московский и Коломенский Слова и речи. Т. IV, М., 1882, с. 294.

(благословение, благодарение) и только после этого преподавал их участникам. Если при последующем совершении Евхаристии в Церкви Христовой благословение и освящение хлеба производит чудесное «соединение» его с телом Иисуса Христа (а это утверждают все исповедания, признающие реальное присутствие Христа в Евхаристии), то нет никаких оснований не придавать значения подобному действию Христову. Оно не могло быть бесцельным и недейственным, и его влияние на хлеб, взятый Христом в руки, выразилось в том, что он уже перестал быть хлебом.

При краткости евангельского повествования о Евхаристии естественно признать необходимость придавать в нем значение каждому слову. И не только по условиям краткости, но и по пониманию богодухновенности евангельского повествования мы не можем предположить в нем что-либо бесцельное и излишнее. Следовательно, мы должны признать в упоминаемом евангелистами благословении хлеба особое значение, как важнейшего действия в Евхаристии, придающего ей ту спасительную сущность, которую она имеет. Слова Христа «сие есть Тело Мое» показывают, что Его благословение произвело то, что взятый хлеб после этого действия или во время преподавания его апостолам был уже не хлебом, а Телом Христовым. Всемогущее благословение Христово есть то освящающее действие, которое произвело таинственное изменение хлеба и вина и Евхаристию соделало таинством, осуществляющимся до конца веков по действию этого благословения. Нет, поэтому, достаточных оснований для того, чтобы считать освящающим моментом в Евхаристии произнесение слов «сие есть Тело Мое». При таком понимании смысла этого изречения признается бесцельным и излишним предварительное благословение хлеба, которое, однако, признается апостолами, повествуящими о Евхаристии, настолько важным, что о нем не решился умолчать ни один из них.

Таким образом, при прямом понимании повествования апостолов, слова «сие есть Тело Мое» и «сие есть Кровь Моя» нужно признать не совершительными, а пояснительными словами, указывающими, что именно Иисус Христос преподавал ученикам для вкушения. Он объяснил этими словами, что преподаваемая трапеза не есть хлеб и вино, как представляется для внешних чувств, а есть Его Тело и Кровь. Необходимость такого пояснения усматривается из того, что апостолы были участниками этого таинства впервые и существенный дар его скрывается под видами хлеба и вина.

«Теперь для нас понятно, — заключает И. Олесницкий, — что под выражением «сие» — тобто в евхаристических словах нужно понимать не хлеб (который существовал до благословения), а Тело Иисуса Христа, которое Он держал в руках после благословения и преподавал апостолам для вкушения. Понятно теперь и употребление среднего рода — тобто, относящееся не к *artos*, но и не к *oiva*, а представляющее собою неопределенное выражение, указывающее на то, что держит Иисус Христос, без наименования предмета. Таков же смысл употребления тобто при указании на Кровь (тобто *esti to aiμα μου*). Так объясняемые слова Иисуса Христа понимаются именно в прямом и буквальном смысле, равняющемся аксиоме по ясности и непоколебимости своей. Христос говорит: «Сие (т. е. то, что Я держу в руках) есть Тело Мое». Здесь связка «есть» представляет собою не указание на тождественность двух различных предметов, логически невозможную, а непоколебимое признание тождественности одного предмета с самим собою. Таково прямое и буквальное толкование евхаристических слов Иисуса Христа, принятое Восточную Православную Церковью. Эти слова требуют безусловного признания не соединения хлеба с Телом Христовым, а претворения, т. е. пресуществления хлеба в Тело Его»¹.

Необходимость буквального понимания повествования о Евхаристии оправдывается не только важностью предмета, но и потому, что здесь определяющими смысл повествования являются слова и действия Самого Иисуса Христа, Который на Тайной Вечери говорил прямо и не применял никакой притчи (Ин. 16, 29). Однако и при этом всеми признаваемом факте не исключено субъективное, ошибочное представление об исследуемом предмете, что объясняется, главным образом, его таинственностью.

Учение о таинстве Евхаристии, имеющем столь непосредственную связь с догматом Воплощения, подверглось столь же многочисленным и длительным отклонениям от общецерковного, как и упомянутый догмат. В древности докеты и некоторые гностики, заблуждавшиеся в отношении реальности Плоти Иисуса Христа, естественно, не могли признать ее в Евхаристии. Позднее Несторий, признавая Евхаристию, отрицал полное изменение вещества Евхаристии, утверждая некоторую «импанацию», или простое сопребывание сущности хлеба и вина с субстанцией Тела и Крови Господа, согласно своей ошибочной христологии, по которой Божественная и человеческая природы Спасителя существовали параллельно и несоединенно в одном Лице.

На Западе в середине века Беренгарий Турский († 1088) отрицал реальное присутствие Господа в Евхаристии и понимал Таинство как символ прославленного Тела Христова. Он был осужден многими Соборами и вынужден отречься от своего заблуждения и исповедовать реальное присутствие Господа в Евхаристии. В продолжение двух следующих веков различные еретики (кафары, альбигойцы и т. п.), под влиянием гностических и манихейских воззрений, отрицали не только реальное при-

¹ И. Олесницкий. Символическое учение лютеран о таинстве Евхаристии и несостоятельность этого учения. Каменец-Подольск, 1894, с. 137.

существование, но и возможность священников совершать Таинство. Созванный против них IV Латеранский Собор (1215) принял официально термин *transsubstantiatio* (пресуществление), возникший на Западе в IX в. В XIV в. Джон Виклеф отвергал учение о пресуществлении и учил, что сущности хлеба и вина остаются теми же после освящения и что присутствие Христа в Евхаристии есть только динамическое, что верующие приобщаются в ней Телу и Крови только духовным образом (не собственно).

В годы, следовавшие за реформацией, ее инициаторы были единодушны в отрицании римо-католического учения о пресуществлении, но пришли к разногласию об образе присутствия Господа в Евхаристии. Хотя Лютер признавал реальное присутствие, но, отвергая пресуществление, он утверждал «импанацию» — сосуществование (*consubstantiatio*) хлеба и вина с Телом и Кровию Господа, присутствие истинного Тела и Крови Иисуса Христа «в» и «под» хлебом и вином (*in et sub pane et vino*). Позднее к этим терминам добавлен предлог «с» (*cum*). При этом Лютер ограничивал присутствие только моментом причащения, после чего хлеб и вино не имеют никакой освящающей силы и суть простые обыкновенные предметы. Лютер основывал возможность пребывания Тела и Крови Иисуса Христа под евхаристическими видами на мысли о вседеприсутствии человеческой природы Его по причине ее ипостасного единства с природой Божественной. Кальвин и Цвингли вообще отвергали реальное присутствие Спасителя в Евхаристии.

Единственным средством правильного усвоения религиозных истин все христиане признают обращение к учению древней Церкви, которое, по православному воззрению, может быть выявлено из творений отцов и учителей Церкви. Каждый из них единолично не может быть признан безусловным авторитетом в вопросах веры, но общее согласие отцов Церкви есть признак учения общецерковного. Их свидетельство имеет для нас особенно важное значение, как идущее от времени, близкого к апостольскому, когда благодатные дарования были более обильны и апостольское Предание более доступно.

«Таинство Тела и Крови Христовых так дивно и непостижимо, — говорит митрополит Филарет, — что богомудрые отцы наши, как бы опасаясь за простоту и твердость нашей веры, желают как бы некими подпорами подкрепить ее своими богомудрыми рассуждениями»¹.

От времени непосредственно послеапостольского мы имеем свидетельство св. Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского († 107). Его высказывания относительно Евхаристии были вызваны ересью докетов, развитие которой вело к отрицанию реальности Тела Христа Спасителя в Евхаристии. В послании к Смиррянам св. Игнатий пишет: «...Они (докеты) удаляются от Евхаристии и молитвы, не признавая той истины, что Евхаристия есть Плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, пострадавшая за наши грехи, которую воскресил Отец по Своей благодати. Посему, противясь дару Божию, они умирают в своих утешованиях. Полезнее было бы им участвовать в Евхаристии, чтобы воскреснуть»².

У св. Иустина Мученика († ок. 165) находится единственное место, относящееся к исследуемому вопросу; он пишет в своей первой Апологии: «Мы принимаем Святые Дары не как обыкновенный хлеб и обыкновенное питье, но, как Иисус Христос Спаситель наш, воплотившийся чрез слово Божие, носил и плоть, и кровь ради нашего спасения, так научены мы тому, что пища эта, над которой чрез слово молитвы от Него совершенно благодарение и которую питаемся чрез предложение наша плоть и кровь, есть Плоть и Кровь Того же воплотившегося Иисуса. Ибо апостолы в составленных ими повествованиях, называемых Евангелием, сообщили заповеданное им Иисусом так: «взяв хлеб и возблагодарив Бога, Он сказал: «сие творите в Мое воспоминание...», «сие есть Тело Мое», подобным же образом, взяв чашу и возблагодарив, Он сказал «сие есть Кровь Моя» и подал им»³.

Те же мысли и подобные выражения находятся в творениях св. Иринея Лионского († ок. 202). Обличая ложность отрицания воскресения плоти, он указывает на приобщение ее Телу и Крови Иисуса Христа в Евхаристии и говорит: «Поелику мы члены Его и питаемся Его творением, а творение доставляет нам Он, ...то чашу от творения признал Своею Кровию, которую Он орошает нашу кровь, и хлеб от творения утвердил, чтобы он был Его Телом, укрепляющим наши тела. Посему, когда растворенная чаша и приготовленный хлеб принимают слово Божие и Евхаристия делается Телом Христовым, которым подкрепляется и поддерживается состав нашей плоти, то как они (еретики) говорят, что плоть не причастна дара Божия, который есть жизнь вечная, плоть, питающаяся от Тела и Крови Господа и составляющая член Его?»⁴.

В III в. Тертуллиан († ок. 220) порицает христиан, которые продолжали заниматься изготовлением идолов, и замечает: «Совершается плачевный грех, когда касаются Тела Христова теми же руками, которыми делали тело для демонов... Какой грех! Иудей один раз наложили руки на Христа, тогда как эти каждый день принимают Его Тело. Эти руки — их следовало бы отсечь»⁵. Очевидно, что столь строгое

¹ Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Цит. соч., с. 294.

² Св. Игнатий Богоносец, еп. Антиохийский. Послание к Смиррянам, гл. 7.

³ Св. Иустин Философ. I Апология, 66.

⁴ Св. Иринея Лионский. Против ересей. Кн. V, гл. 2, § 3.

⁵ Тертуллиан. Об идолопоклонении. PL. t. I, col. 745.

осуждение, по которому ставятся в параллель преступление иудеев и кощунственное принятие евхаристического хлеба ваятелями идолов, не может быть понято иначе, как свидетельство признания Тертуллианом реального присутствия Господа в Евхаристии с отождествлением Святых Даров и Тела Христова.

Св. Киприан Карфагенский († 258) в своем послании к Цецилию говорит исключительно о Евхаристии. Иногда ищут следы символизма в выражениях этого послания о Теле и Крови Господа, как, например: «Кровь Христову представляет вино». Но по смыслу дальнейшей речи, где Кровь Христова отличается от ветхозаветного ее прообраза, уясняется, что св. Киприан не придавал символического значения евхаристической чаше. В другом месте он видит в Евхаристии «хлеб насущный» молитвы Господней и уверяет, что Христос есть наш хлеб, мы касаемся Его Тела и те, кто Его причащаются, имеют жизнь вечную.

Отцы, последующие за временем Первого Никейского Собора, с еще большей энергией разъясняют и защищают реальное присутствие в православном смысле. Св. Афанасий в послании к Максиму Философу утверждает, что «мы обожаем... принимая Тело Самого Слова». Поверяя тайну Евхаристии готовящимся ко св. Крепощению, он говорит: «Ты увидишь священнослужителей, приносящих хлеб и чашу с вином и ставящих их на трапезу. И пока еще не свершились молитвы и приношения, хлеб и чаша остаются обыкновенными. Но когда свершаются большие и дивные молитвы, тогда хлеб становится Телом, а чаша — Кровию Господа нашего Иисуса Христа». В другом месте: «Этот хлеб и эта чаша до совершения молитв и прошений — самые обыкновенные. Но после отправления великих молитв и святых прошений Слово нисходит на хлеб и чашу, и они становятся Его Телом»¹.

Св. Кирилл Иерусалимский († 386), объясняя совершение Евхаристии, говорит: «Хлеб в Евхаристии, по призывании Святого Духа, не есть уже простой хлеб, но Тело Христово»².

Св. Василий Великий († 379) в книге «О Святом Духе» говорит о «предложении хлеба Евхаристии и чаши благословения»³. В литургии, носящей имя св. отца, священнослужитель в особых молитвах воспоминает установление Христом Спасителем Евхаристии, Его повеление о совершении Таинства в Его воспоминание, затем приступает к самому акту освящения Даров и после прошения о Святом Духе молит, чтобы Господь сотворил «хлеб сей самое честное Тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа... чашу же сию — самую честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, изливающую за мирский живот, предложив Духом Своим Святым». Слова установления Евхаристии («примите, ядите...»), хотя и произносятся, не только для воспоминания об установлении Таинства.

Св. Григорий Нисский († 394) говорит, что «хлеб есть еще хлеб обыкновенный, но когда Таинство его освящает, он именуется и есть Тело Христа». «Мы верим, что освященный хлеб претворяется (μεταποιεῖσθαι) в Тело Бога Слова по слову Божию»⁴.

Св. Иоанн Златоуст († 407), которого иногда именуют «учителем Евхаристии» по причине его обширного учения о Таинстве, в одном из поучений выражает желание христиан ощутить образ Христа: «Сколько говорят теперь: я хотел бы видеть Его лицо, Его образ, Его одежды, Его обувь» и продолжает: «Вот, ты видишь Его, ты касаешься Его, ты вкушаешь Его»⁵.

В творения Иоанна Златоуста включено послание к Цезарю монаху; одно место в этом послании может навести на мысль об уклонении св. Иоанна от общепринятого воззрения на таинство Евхаристии, именно то, где он пишет: «Когда Божественная благодать освятит хлеб, то он уже достойно называется Телом Господним, хотя естество (φύσις) хлеба в нем остается». Следует заметить, что это место находится в послании, подлинность которого оспаривается. Кроме того, у древних писателей словом φύσις иногда означались свойства (акциденция), например, цвет, запах, твердость и т. п., а не сущность (субстанция) предмета. В таком случае мысль Иоанна Златоуста можно понять как изъяснение общецерковного учения, что в Святых Дарах после предложения внешние признаки остаются неизменными.

Св. Амвросий Медиоланский († 397) говорит, что Дары освящаются благословением и преобразуются в Плоть и Кровь Иисуса Христа силою молитвы. «Мы всякий раз, — пишет он в книге «О вере», — принимая Тайны, которые чрез таинство священной молитвы преобразуются (transfigurantur) в Плоть и Кровь, возвещаем смерть Господню»⁶.

Хотя учение блаж. Августина († 430) представляет трудности по причине некоторых выражений, склоняющихся к символизму, всё же можно видеть, что в ряде мест оно содержит мысль о реальном присутствии. В сочинении «О Граде Божием» он

¹ Св. Афанасий Александрийский. Послание Максиму Философу. PG, XXVI, col. 1087, 1325. Цит. по: Р. Н. Тетербелас. Указ. соч., стр. 201.

² Св. Кирилл Иерусалимский. Поучение таинствознание. I, 7.

³ Св. Василий Великий. О Святом Духе. Гл. 27.

⁴ Св. Григорий Нисский. Большое огласительное слово. PG, t. XLVI, col. 581. Цит. по: Р. Н. Тетербелас. Указ. соч., с. 201.

⁵ Св. Иоанн Златоуст. На I-е Послание к Коринфянам беседа 24.

⁶ Св. Амвросий Медиоланский. De fide, Lib. IV, c. 10, p. 124. Цит. по: И. Олесницкий. Указ. соч., с. 161—162.

указывает, что Иисус Христос — Жертвоисполнитель и Жертва на Голгофе — есть Тот же на алтаре¹. В своей проповеди «О таинстве алтаря» он замечает: «То, что вы видите на алтаре Господнем, есть хлеб и вино, но этот хлеб и это вино чрез слово становятся Телом и Кровию Слова»².

Свидетельство древних отцов завершает св. Иоанн Дамаскин († 760), который учит так же, как и его предшественники. В 4-й книге «Точного изложения православной веры» св. Иоанн пишет, что человек, будучи существом не только плотским, но и духовным, требует и рождения не только плотского, но и духовного и пищи духовной. Духовное рождение совершается в Крещении, а духовная пища подается в Евхаристии. «Пища эта есть хлеб жизни, Господь наш Иисус Христос, с небес сшедший». Вспоминая установление Евхаристии и заповедь Господню о совершении ее в Его воспоминание, св. Иоанн обосновывает веру в предложение Святых Даров. Если слово Божие действительно и если всё, чему Он соизволяет быть, Он творит, если Он одним всемогущим словом Своим творит свет, небесную твердь, утверждает небеса, если Он духом уст Своих творит силы небесные, устрояет красоту неба и земли, творит человека, если, наконец, благоволив соделаться человеком, Он создает Себе Плоть от Пресвятой Девы Марии, то «ужели Он не может хлеб соделать Своим Телом, и вино — Своєю Кровию?» «...И как всё было сотворено действием Святого Духа, так и ныне действием Святого Духа совершается то, что превышает естество и чего нельзя постигнуть, разве одною только верою». Хлеб и вино в Евхаристии — «не образы Тела и Крови Христовых, а самое Тело Господне обоженное»³.

Значительное число отцов пользуются терминами, которые по отношению к Евхаристии могут быть истолкованы в пользу символизма. Это — слова: символ, вместо образ, первообраз, подобие, образ. Но, как отмечают исследователи, характерно, что эти выражения встречаются у отцов, которые в общем содержании их учения высказываются в пользу реального присутствия Господа в Евхаристии, как, например, Афанасий Великий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Нисский, Григорий Богослов. Следует полностью исключить мысль о том, что они использовали эти слова в чисто символическом смысле, и их следует понимать в контексте творений этих отцов. Склонность к символизму сказалась только у Климента Александрийского и Оригена.

Учение отцов запечатлено и усилено свидетельством древних литургий, где Слово призывается снизойти на евхаристические Дары, где возносится молитва Богу о ниспослании Святого Духа на Дары, чтобы Он соделал хлеб Телом Христа и вино Кровию Христа.

Таково, следовательно, общее учение Церкви, возведенное отцами и учителями, из которых, кроме символистов — александрийских учителей, только Феодорит Кирский применяет выражения, могущие быть истолкованными в пользу динамизма. Отцы Церкви утверждали не символическое, образное или динамическое, но реальное присутствие Христа в Евхаристии. Проблема образа присутствия особенно разрешалась отцами с начала IV в. Они уточняли понимание и веру Церкви и объявляли, что в веществах Божественной Евхаристии происходит чудесное изменение, превышающее разумное человеческое, но которое засвидетельствовано словами установления: «сие есть Тело Мое», «сие есть Кровь Моя», которые, сообразно с повествованием Евангелия, должны быть поняты буквально, в собственном смысле.

Предложение Святых Даров в Тело и Кровь Господа было выражено употреблением слов μεταβάλλειν — изменить, превратить (Кирилл Иерусалимский), μεταποιεῖν и μεταποιεῖσθε — претворить, превратить (Григорий Нисский, Кирилл Александрийский, Иоанн Дамаскин), μεταστοιχεῖον — изменить природу (Григорий Нисский), μετασχεῖσθαι — изменить (Иоанн Златоуст), mutare, convertere — изменить, превратить (западные отцы).

Как уже упоминалось, Римо-Католическая Церковь официально приняла термин «пресуществление» (transsubstantiatio) в 1215 г. на IV Латеранском Соборе. Выраженный по-гречески словом μετασυστοιχίς, он впервые на Востоке встречается в письме Михаила Палеолога (1282) папе Григорию; затем он был использован Геннадием Схоларием († 1460) в его поучении «О таинственном Телом нашего Господа Иисуса Христа» и объяснен как означающий «изменение субстанции в субстанцию, происходящее мгновенно», при видах хлеба и вина, остающихся неизменными. Этот термин получил более широкое распространение в XVII в., был принят в «Исповедании» Петра Могилы и использовался на Востоке как синоним термина «преложение», без применения теории, которую Римо-Католическая Церковь пыталась объяснить и оправдать философски этот термин. По замечанию Досифея в «Послании восточных патриархов», словом «пресуществление» не определяется «образ, которым хлеб и вино превращаются в Тело и Кровь Господа», но что «действительно и существенно хлеб становится истинным Телом Господа и вино — Его истинной Кровию».

Как можно видеть, этот термин в русском богословии появился случайно, не будучи вызван даже полемическими целями, но получил применение в ряде богословских трудов, что можно объяснить кажущейся точностью и, поэтому, достовер

¹ Блаж. Августин. О Граде Божием, X, 20.

² PL, t. XLVI, col. 834. Цит. по: P. N. Treadwell, Указ. соч., с. 203—204.

³ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. IV, 13.

ностью. Этим простым и удобоприемлемым по мнимой научности термином думали исчерпать содержание великой тайны, совершающейся над хлебом и вином Евхаристии, объяснить, как происходит проповедуемое отцами Церкви преложение. Реакция в отношении применения этого термина проявилась уже в прошлом веке.

По-видимому, в изыскании и применении слова «пресуществление» сказалось в какой-то мере чувственное восприятие евхаристической тайны, т. е. нечто подобное тому, что произошло при первом вознесении о ней Христом Спасителем. Господь предостерегает от применения земных понятий в этой тайне и в словах: «Это ли соблазняет вас? Что же, если увидите Сына Человеческого, восходящего туда, где был прежде?» (Ин. 6, 61—62) говорит о Своей прославленной Плоти, явление которой в Евхаристии выше всех земных понятий и определений.

Забвение этого привело к крайней материализации Таинства у римо-католиков, особенно в XVI в., и, может быть, как реакция в отношении этого возникла другая крайность — отрицание преложения Святых Даров в протестантизме.

Образ присутствия Господа в Евхаристии архиепископ Макарий (впоследствии митрополит Московский) определяет следующими словами: «Хотя хлеб и вино в таинстве Евхаристии претворяются собственно в Тело и Кровь Господа, но Он присутствует в сем таинстве не одним Телом Своим и Кровию, но всем Существом, т. е. и Душею Своею, которая нераздельно соединена с Его Телом, и самым Божеством Своим, которое ипостасно и нераздельно соединено с Его человечеством. Посему-то и выразился Спаситель: «Ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем. Якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради» (Ин. 6, 56—57). Равным образом и св. отцы учили, что «мы всецело вкушаем Самого Агнца» (Ефрем Сирин), что Он весь вселяется во всех нас по благодати Своей (Ефрем Сирин), и замечали: «Сие таинство называется Причащением, потому, что чрез оное мы делаемся причастниками Божества Иисусова. Оно называется еще Общением, и действительно есть общение, потому, что чрез оное сообщаемся со Христом, делаемся причастниками Его Плоти и Божества» (Иоанн Дамаскин)¹.

Признавая истинность преложения хлеба и вина, естественно, нельзя отрицать постоянство действия этого Таинства. И вне вкушения, как и в самом вкушении, Святые Дары остаются Телом и Кровию Господа, никогда не прелгаясь обратно в хлеб и вино. Эту истину выразил Сам Христос Спаситель при установлении Таинства. Преподаявая Святые Дары апостолам, Он сказал еще до принятия их: «Сие есть Тело Мое». Нет никакого указания, что это — «будущее» Тело, образующееся при вкушении.

Вера в неизменность преложения Даров подтверждается практикой древней Церкви. По свидетельству св. Иустина, Евхаристия «была приносима отсутствующим»², именно — больным и заключенным. Другим доказательством является обычай первых христиан иметь «причастие каждому в его доме» и «причащаться самому, когда он пожелает», — по свидетельству св. Василия Великого³. Это можно видеть также в обычаях, распространенном очень рано почти на всем Востоке, что «во время поста не следует приносить хлеб, кроме только субботы и воскресенья» — по канону Лаодикийского Собора (ок. 360); так что совершение литургии Преждеосвященных Даров, ксидифицированное 52-м канонном Трулльского Собора, введено значительно ранее. Дары Преждеосвященные, находившиеся в дарохранительницах, предназначались для причащения верующих во время литургии.

Св. Кирилл Александрийский в своем послании к Калозирю решительно осуждает мнение, по которому освященные Дары теряют свою освящающую благодать, если они не приняты до следующего после освящения дня, и замечает: «Я слышу, что некоторые говорили, что таинственное благословение недействительно для освящения, если оно остается до следующего дня. Они не сознают, что говорят; в действительности Христос неизменен и Его святое Тело неизменно, так как сила благословения и животворная благодать в Нем постоянны»⁴.

Постоянство спасительного действия Христова дает основание для понимания заповеди Христа совершать Евхаристию как Его «вспоминание», а также отношения Евхаристии к жертве крестной. Единжды принесенная Голгофская жертва неповторима, и ее спасительное действие распространяется на все времена. Но усвоение спасения происходит чрез веру, и участие в Евхаристии как воспоминании спасительной жертвы Христовой есть свидетельство этой веры. И по силе веры Христос соединяется с нами чрез принятие Его Плоти и Крови, принесенных на Голгофе, т. е. усваивает нам плоды Своей жертвы. Евхаристия не есть повторение Голгофы, но есть выражение ее спасительной сущности в жизни Церкви и каждого христианина. «Вспоминание» не есть просто психический акт для возвышения нашей веры, но приобщение чрез веру Самому Христу, реализация в нашем существе силы Его вопло-

¹ Архиеп. Макарий. Православное догматическое богословие. Т. II, с. 402—403.

² Св. Иустин Философ. I Апология, 65.

³ Св. Василий Великий. Послание 93, к Цезарию. PG, t. XXXII, col. 485. Цит. по: P. N. Grembelas. Указ. соч., с. 215.

⁴ Св. Кирилл Александрийский. PG, t. LXXVI, col. 1073. Цит. по: P. N. Grembelas. Указ. соч., с. 216.

щения и всего искупительного подвига. Это — личное усвоение того дара, который заключен в жертве Христовой за всех.

Являясь выражением Голгофской жертвы, Евхаристия имеет то же жертвенное значение. Умиловительная жертвенность Евхаристии определяется постоянной греховностью людей, за оправдание которых и ходатайствует Церковь и Сам Иисус Христос — за свидетельство веры, являемой людьми в совершении евхаристической жертвы, постоянство которой предуказано еще в Ветхом Завете (Мал. 1, 11).

В Новом Завете свидетельство о жертвенном значении Евхаристии находится в апостольском повествовании о ее установлении. Господь сказал: «Сие есть Тело Мое, за вас ломимое» (1 Кор. 11, 24); «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лк. 22, 20). По выражению евангелиста Матфея: «Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 28). По смыслу этих слов, Иисус Христос на Тайной Вечери не только преподавал для вкушения Свои Тело и Кровь, но и принес их в жертву Богу Отцу — за апостолов и многих других — во оставление грехов. Выражения: «за вас» и «за многих» — указывают на эту жертву. Требуется отступление от прямого смысла слов Спасителя, чтобы видеть в них указание только на тождественность евхаристического Тела Иисуса Христа с Телом Его, умершим на кресте, т. е. что словами «сие есть Тело Мое, за вас ломимое» и т. д. Христос хотел только сказать (как думают лютеране), что апостолам преподается не инос, а именно то Тело, которое умрет на кресте, а Кровь — та, которая прольется на кресте во оставление грехов. Эта мысль устраняется употреблением формы настоящего времени в словах «ломимое», «изливаемая», тогда как при отнесении их только к крестной смерти должна была бы быть применена форма будущего времени. Следует заметить также, что самое выражение «за вас ломимое» не следует понимать как указание на крестные страдания. Св. Иоанн Златоуст, объясняя слова: «Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?» (1 Кор. 10, 16), говорит: «Для чего Апостол прибавил: «который преломляем»? — Для того, чтобы преломление видели только в Евхаристии; на кресте же мы видим противное сему: «кость Его, — сказано, — не сокрушится». Но чего не потерпел Христос на кресте, то переносит в просфоре ради тебя, терпит, будучи ломим, да все исполнит!»¹ Следовательно, слова Христа: «за вас ломимое», «за многих изливаемая» — относятся и к жертвенному значению самой Евхаристии.

Установляя Евхаристию, Спаситель устанавливает новый завет, говоря: «Сие есть Кровь Моя нового завета». Этим Он показал, что Евхаристия имеет жертвенное значение по образу жертв ветхозаветных.

Ряд свидетельств об Евхаристии как жертве находится в древнейших литургиях и в литургиях, ныне совершаемых, причем умиловительное значение евхаристической жертвы относится не только к живым, но и к умершим, что понятно по всеобъемлемости искупления и единству Церкви Христовой. Соответствующие свидетельства даются и в творениях свв. отцов.

Св. Иустин Мученик в «Разговоре с Трифоном» находит в жертвах Ветхого Завета прообраз Божественной Евхаристии и указывает на пророчество Малахии о будущей постоянной жертве.

Св. Ириней Лионский называет Евхаристию жертвой и говорит о замене этой новозаветной жертвой прекратившихся жертв ветхозаветных.

Жертвенное значение Евхаристии как таинственное проявление жертвы Христовой объясняет св. Киприан Карфагенский: «...Ибо, если Господь наш Иисус Христос, Который и Сам есть Верховный Первосвященник Бога Отца и первый принес Сам Себя в жертву Отцу, и заповедал делать это в Его воспоминание, то и тот, кто подражает тому, что совершил Христос, исполняет поистине жертву подобно Христу и приносит тогда в Церкви истинную и полную жертву Богу Отцу, если принесит ее так, как он видит, что Сам Христос принес ее» (Послание 63, к Цецилиану).

Св. Кирилл Иерусалимский называет Евхаристию умиловительной жертвой² и говорит о значении ее для душ умерших, когда «мы приносим в жертву (в Евхаристии) Христа, закланного за наши прегрешения, и испрашиваем милости им (умершим) и себе у человеколюбивого Бога»³. «Молимся, — говорит он, — на литургии об умерших, веруя, что великая польза бывает душам, когда за них приносится святая жертва, которая на алтаре»⁴.

Св. Амвросий Медиоланский в одном из поучений говорит: «Видим Князя священников, к нам приходящего, видим и слышим Его, приносящего за нас Кровь! Так, священники, последуем Ему, насколько это возможно, принося за людей жертву. Если мы и немощны в добрых делах, то мы честны жертвою; ибо, если ныне Христос и приносит сию жертву Сам, однако же Он приносится и на земле, когда Тело Его само бывает приносимо»⁵.

В беседах на апостольские послания св. Иоанн Златоуст выражает следующие мысли о жертвенном умиловительном значении Евхаристии. «Если детей Иова очи

¹ Св. Иоанн Златоуст. На 1-е Посл. к Коринфянам беседа 24.

² Св. Кирилл Иерусалимский. Слово огласительное, V, 8.

³ Там же, п. 10.

⁴ Там же.

⁵ Св. Амвросий Медиоланский. De sacram. Lib. IV, 6; lib. V, 3. Цит. по Н. Олесницкий. Указ. соч., с. 211—212.

щала жертва их отца, то как сомневаться, что и наша бескровная жертва, приносимая за умерших, доставляет им некое утешение... Не напрасно установлено апостолами, чтобы при страшных тайнах мы поминали отшедших; от этого бывает им немалое приобретение, многая польза; ибо, когда люди стоят с воздетыми руками, предстонт собор священников и предлежит страшная жертва, тогда можем ли не упросить Бога, воссылая к Нему моления?»¹.

В послании св. Кирилла Александрийского, принятом на III Вселенском Соборе, говорится: «Еще веруем, что это (св. Евхаристия) есть истинная умилоствительная жертва, приносимая за всех благочестно живущих и умерших».

Можно сказать, что евхаристическая умилоствительная жертва за живых и умерших есть отображение, в изъявлении веры земной Церкви, вечного ходатайства Иисуса Христа за род человеческий. В ней вечный Первосвященник чрез земные посредства являет Свое спасительное служение в единении Церкви и возрастании любви.

Умилоствительная сила евхаристической жертвы, обусловленная искупительным подвигом Иисуса Христа, является основанием для признания Евхаристии и как жертвы благодарения за все благодеяния, явленные в даровании жизни и устройении спасения, утверждением, знаком и осуществлением которого является Евхаристия. Выражением благодарения отмечено и само наименование Таинства.

В Евхаристии является чудо воочеловечения Бога и обожения человека. Принятие истинного Тела и истинной Крови Спасителя есть таинственное соединение с Его Существом, привитие к животворной Лозе, залог вечной жизни — одухотворения нашей материальности и приобщения к будущему преображенному миру, когда «будет Бог всё во всем» (1 Кор. 15, 28).

*Протоиерей Самуэл ЛЕХТОНЕН,
лицензиат богословия (Тапиола)*

ЕВХАРИСТИЯ И ЖЕРТВА ХРИСТА *

При экуменической встрече представителей Православной и Лютеранской Церквей необходимо обратить внимание настоящего собрания на выяснение отношения между Евхаристией и жертвой Христовой, т. е. на богословское выяснение евхаристического аспекта жертвы.

Православная Церковь считает Евхаристию жертвой. Как богослужебные тексты Божественной литургии, так и совершаемые на ней символические действия показывают, что аспект жертвы для православных очень важен, когда идет речь о том, что же значит Евхаристия. «Жизнь Христа по своей природе была жертвой, жизнь Церкви по своей природе — жертва и жизнь частного христианина по своей природе — жертва. Поэтому и важнейший общий акт церковного культа по своей природе — жертва и показывает человечеству сердце Евангелия, а именно: чтобы жить, мы должны умереть». Так говорит один автор, объясняющий западному читателю сущность евхаристического понимания Православной Церкви.

«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся», — молится священник после анамнезиса в евхаристических молитвах Божественной литургии Иоанна Златоуста. Жертва, приносимая в Евхаристии, — это Сам Христос. Но и приносящий жертву — это тоже Сам Христос. Христос есть в одно и то же время Священник и Жертва. «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш», — говорится в молитве священника перед великим входом. Жертва приносится Богу, Самой Святой Троице, и приносится она за всех. Евхаристия, согласно православной литургии, — жертва искупления (*θύσια ἱλαστήριως, sacrificium propitiatorium*), которая приносится за живых и за мертвых.

Таким образом, согласно православному пониманию, в Евхаристии приносится в жертву жертва Христова. Что же под этим подразумевается? Один из учителей Православной Церкви, живший в средние века, описывает понимание этого в Православной Церкви следующим образом: «Во-первых, жертва — это не только изображение или символ, а настоящая жертва. Во-вторых, то, что приносится в жертву, — это не хлеб, а истинное Тело Христово. В-третьих, Агнец Божий пожрен был только единожды, на все времена. Жертва Евхаристии состоит не из действительного, или кровного, жертвоприношения Агнца, а в пресуществлении хлеба в пожертвованного Агнца».

Согласно православному пониманию, Евхаристия не просто воспоминание жертвы Христовой или ее изображение, а это действительная жертва. Но, с другой стороны, она не новая жертва, она не повторение крестной жертвы Голгофы. События

¹ Св. Иоанн Златоуст. На 1-е Посл. к Коринфянам беседа 41; на Посл. к Филиппийцам беседа 3.

* Доклады финских участников собеседования, к сожалению, публикуются без подстрочного аппарата, так как он не был получен редакцией своевременно. — *Ред.*